
ЛИТЕРАТУРА XVII–XVIII вв.

УДК 82–311.4

ПАХСАРЬЯН Н.Т.¹ ФИЛОСОФ НА РОКАЙЛЬНЫЙ ЛАД: МАРИВО-ЭССЕИСТ.

DOI: 10.31249/lit/2022.01.07

Аннотация. Журнальные эссе П.К. де Мариво, собранные самим писателем в книги, лишь в последнее время привлекают внимание исследователей. Между тем они не только расширяют представление ученых о даровании писателя, которого ныне считают одним из самых значительных драматургов и романистов эпохи Просвещения, но и позволяют уточнить своеобразие тех форм философствования, которые появлялись в XVIII в. как среди мыслителей Просвещения, так и в непросветительских кругах. Анализ жанровых новаций «Французского зрителя», «Кабинета философа», «Неимущего философа» позволяет понять особенности развития эссеистики этого периода, выявить связь журналистского нарратива с поэтикой рококо.

Ключевые слова: Мариво; эссе; критика; философия; повествование; рококо.

Для цитирования: Пахсарьян Н.Т. Философ на рокайльный лад : Мариво-эссеист // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2022. – № 1. – С. 103–113. DOI: 10.31249/lit/202.01.07

¹ **Пахсарьян Наталья Тиграновна** – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

PAKHSARIAN N.T. Philosopher in the rococo vein: Marivaux-essayist.

Abstract. Journal essays by P.K. de Marivaux, collected in several books by the writer himself, have only lately attracted the attention of academic scholars. Meanwhile, his essays not only deepen our understanding of the genius of the writer, who is considered now as one of the most significant Enlightenment playwrights and novelists, but also help to explain the special traits of some forms of philosophizing originated in the eighteenth century both within the Enlightenment and non-Enlightenment circles. The analysis of some genre innovations in *The French Spectator*, *The Cabinet of the Philosopher*, and *The Indigent Philosopher* contributes to our better understanding of the ways of evolution of essay in that period and reveals special relations between journalist narrative and poetics of Rococo.

Keywords: Marivaux; essay; criticism; philosophy; narration; rococo.

To cite this article: Pakhsarian, Nataliya T. “Philosopher in the rococo vein: Marivaux-essayist”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 1, 2022, pp. 103–113. DOI: 10.31249/lit/2022.01.07

Одна из удивительных метаморфоз литературной репутации П.К. де Мариво (1688–1763) состоит в том, что на исходе XX и в начале XXI в. писателя, ценимого прежде только за драматургию и два романа, написанных в период зрелости, стали рассматривать как новатора и экспериментатора, проявившего себя таковым уже в ранних романических сочинениях и в выпускаемых им журналах [см., напр.: 5; 7; 9; 17]. Благодаря своей журнальной эссеистике писатель приобрел ныне «актуальность, какой у него не было даже в самые благоприятные дни его жизни» [19, р. 845]. Современные издания периодики Мариво, исследования ее своеобразия уточняют отношения между писателем и философами Просвещения, позволяют лучше понять специфику его этических и эстетических воззрений. Кроме того, анализ «Французского зрителя» (1722–1723), «Неимущего философа» (1727), «Кабинета философа» (1734) помогает осмыслить причину редкого применения по от-

ношению к Мариво определения «философ», выявить своеобразие рокайльной рефлексии. Поэтому актуальность изучения журнальных эссе писателя растет, и на первый план выходит потребность их системного рассмотрения.

При том что периодика во Франции стала развиваться еще в XVII в.¹, газеты и журналы просветительской эпохи поначалу ориентировались не только и не столько на национальную традицию, сколько на английскую модель начала XVIII столетия: журналы Дж. Аддисона и Р. Стила «Болтун» (*The Tatler*), «Зритель» (*The Spectator*) и «Опекун» (*The Guardian*) не ставили в первую очередь задачу информирования читателей о новостях, а привлекали тем, что преподносили им наблюдения над нравами современников, описывали их привычки, содержали зарисовки характеров и размышления воображаемого повествователя. Иронически-доброжелательный стиль эссеистики в этих журналах, стремление избегать прямолинейной назидательности, интонация беседы с читателями на разные темы – от бытовых до философских – стали важной и перспективной новацией для развития журналистики в других странах Европы.

Анонимный перевод на французский язык английского *The Spectator* был напечатан в Амстердаме в 1714 г. под названием «Зритель, или современный Сократ». Вдохновившись, как многие французы², этой формой периодической печати, которая распространилась в Англии в 1710-е годы, и особенно выделяя Дж. Аддисона, выполнявшего «ведущую роль в содержательном наполнении этих журналов» [21, с. 170], Мариво в 1721 г. начал выпуск «Французского зрителя», объявив, что этот журнал будет еженедельным. Однако вскоре он уточнил: новые выпуски будут появляться раз в два месяца. В итоге и эта периодичность нарушалась: за три года писатель напечатал только 25 номеров «Французского

¹ Назову лишь самые популярные издания: в 1631 г. появилась «Газета», в 1665 – «Журнал де саван», в 1672 – «Меркюр галан». В то же время ежедневная городская газета появилась во Франции только в 1777 г., а Англии – уже в 1702 г.

² С 1711 по 1789 г. во Франции, по подсчетам специалистов, выходило 112 различных французских «Зрителей», ориентирующихся поначалу непосредственно на английский образец, а затем – на модель, трансформированную Мариво.

зрителя». По мнению А. Леврье, только первые шесть выпусков, наиболее регулярных, оказались в итоге ближе остальных к английской модели, поскольку там затрагивалась как нравоописательная, так и политическая сфера, воссозданная в конкретных событиях с указанием места и времени [12].

Действительно, Мариво, отдавая должное своим предшественникам, с самого начала ставил задачу укрепить независимость манеры и формы своих зарисовок. Он не был новичком в журналистике: до того, как выпускать собственный журнал, Мариво сотрудничал с «Меркюр де Франс» (1717–1720), но в своем проекте периодического издания он не воспроизводил выработанную ранее манеру письма, а постарался ее развить и модифицировать. Следуя «уроку Монтеня» [23, р. 29], эссеистический стиль которого сам автор «Опытов» называл «рапсодическим», т.е. беспорядочным, состоящим из разрозненных фрагментов¹, писатель строил свои журнальные очерки (названные им во «Французском зрителе» *feuilles volatiles* – «летучие листки», в «Неимущем философе» – даже *lambeaux sans ordres*: «беспорядочные обрывки, лохмотья», а в «Кабинете философа» – *morceaux détachés*: «разрозненные куски») как свободные наброски-рассуждения на разнообразные темы, демонстрируя «либертинаж идей» [23, р. 81], всячески подчеркивая случайность их последовательности. Среди предшественников – вдохновителей автора – называют также и создателя «Характеров» Лабрюйера [7, р. 110; 25, р. 95], но Мариво удалось стать гораздо менее назидательным, создать собственный стиль, давая в своих «листочках» слово разным повествователям (их во «Французском зрителе» не один десяток), примеряя на себя различные маски, не избегая отступлений, «открывая глубокие резоны “прекрасного беспорядка”, который Мариво нарекает вкусом» [17, р. 128].

В «Зрителе» Мариво именуется себя «философом по темпераменту» («Я уродился таким, что все наталкивает меня на размышления...»), но при этом не стремится придать своим размышлени-

¹ О значении слова «рапсодия» и о восприятии рапсодического стиля в XVI–XVIII вв. см.: [20].

ям завершенный вид и единый тон: «порой какая-нибудь безделица погружает меня в серьезные раздумья, а самый важный предмет смешит» [14, р. 58]. В «Неимущем философе» он подчеркивает, что сам не знает, хороша или плоха его книга, а просто «легко (couramment) записывает свои мысли» [15, р. 81]. В «Кабинете философа», дистанцируясь от предложенного читателям текста, он прибегает к приему «найденных записок», состоящих из «фрагментов мыслей о самых разнообразных предметах» [15, р. 151]. Отсутствие единой нарративной позиции, авторитетного повествователя создает, с одной стороны, характерную для рококо атмосферу амбигитивности, с другой – разрушает плоскую назидательность, вовлекая читателя в соразмышления. Эти особенности повествования Мариво сохранит и в своих зрелых романах [13; 24]: наряду с фрагментарностью (романы выходят выпусками), фабульной незавершенностью, бесконечными отступлениями-размышлениями персонажей, их истории могут быть истолкованы двояко, заставляя читателей строить гипотезы и о характерах героев, и о развязке их жизненной коллизии, не вынося однозначного морального суждения.

В последующих журналистских эссе – «Неимущий философ» и «Кабинет философа» – отчетливее проступает специфическое понимание Мариво фигуры философа – «чувствительного человека без предрассудков, управляемого разумом, опытом и недогматической верой» [10, р. 13]. Мариво не остается в стороне от споров вокруг понятия «философ» [22, р. 47], но его толкование не совпадает с концепцией просветителей. Уже во «Французском зрителе» он вкладывает в уста «неизвестного» повествователя слова: «Позвольте некоторым мудрецам, я хочу сказать – изготовителям систем, коих в просторечье именуют Философами, позвольте им методически нагромождать видение на видение, рассуждая о природе двух субстанций и о других подобных вещах» [14, р. 223]. В «Неимущем философе» повествователь, подчеркивая свой практически добровольный выбор образа жизни нищего и бродяги, отказывается от заносчивой серьезности размышлений в пользу вкусной еды, вина и веселой беседы с читателями: «...Для меня мои лакомства и моя философия – лучшие друзья в мире» [15,

р. 82]; «Как вам моя мораль? Может, она не слишком глубокомысленна, но она естественна» [15, р. 84] и т.п. Отстраняясь от методически и композиционно строгого, так сказать, «профессионального» философского нарратива, Мариво поясняет в первом листке «Кабинета философа»: «Речь вовсе не идет о последовательном сочинении; это большей частью отдельные куски, фрагменты мыслей о самых разнообразных предметах и в самых разных формах: веселые, серьезные моральные, христианские, последних – довольно много, иногда – описания приключений, диалоги, письма, воспоминания, суждения о разных авторах...» [15, р. 151].

Не принимая метафизической философии XVII в., Мариво не спешит слиться с просветительским пониманием сути философствования: помимо того, что ему не присущ воинственный дух энциклопедистов и он не стремится горячо отстаивать идеал добродетели и терпимости [10, р. 12], он предстает чувствительным и добродушным обозревателем нравов, проявляющим больше снисходительности к человеческим слабостям, чем просветители, способным с иронией отнестись к самому себе, а не только к окружающим, не обличающим людские предрассудки, а принимающим их со всеми чужими – и своими собственными – слабостями, и это позволяет ему стать «философом, а не мизантропом» [15, р. 237]. По верному наблюдению Ж. Сгара, «Мариво полностью отказывается от традиционного понимания философии: его нарратор – ни античный мудрец, ни уверенный в себе ученый» [18, р. 34], он – таков же, как другие люди, и, с его точки зрения, «философ не ненавидит и не избегает людей» [15, р. 391]. Очень рано став сторонником «новых» в эстетической сфере¹, Мариво, как ни парадоксально, «в эпоху, когда определение “новый философ” непременно подразумевало вольномыслие... неоднократно заявлял в периодике свою позицию христианина, опирающегося на евангельскую мораль» [10, р. 13].

¹ Литературные предпочтения и стиль Мариво, безусловно, свидетельствуют, что он равнялся на «новых», чему способствовала и его дружба с Б. Фонтенелем. Но в то же время, будучи «новым» по духу, он не желал прямо признавать свою «ангажированность». Ср.: «Я не принадлежу ни к одной партии: мне безразличны все – и Древние, и Новые» [14, р. 103].

Мариво был хорошо знаком со многими философскими трудами прошлого. Как замечает А. Денне-Тюнне, «начиная с “Телемака наизнанку” и до последних сочинений, в его текстах можно обнаружить следы чтения философских трудов» [8, р. 215]. На страницах эссе Мариво упоминаются Декарт и Лабрюйер, Паскаль и Локк, Фонтенель и Мальбранш. Но прежде всего он был «страстным читателем и горячим почитателем Паскаля» [16, р. 26]. По мнению Ж. Сгара, удивительным образом сопрягая взгляд «новых» с рассуждениями, близкими паскалевским, Мариво вкладывает в понятие «философ» христианское содержание, что особенно ощутимо в его «Кабинете философа» [18, р. 36]. Некоторые исследователи даже задаются вопросом, не является ли использование слова «философ» у Мариво всего лишь данью моде, коль скоро смысл этого понятия так далек от толкования его у энциклопедистов?

Любопытно, однако, что образ «неимущего философа» многие связывают с персонажем Дидро из его знаменитого философского романа-диалога «Племянник Рамо» [9, р. 6; 10, р. 16]: столь же беспечный, не заботящийся о завтрашнем дне, «naturellement babillard» [15, р. 82], персонаж Мариво происходит из состоятельной семьи, получил хорошее образование, но стал по доброй воле маргиналом, безразличным к чужому мнению о его образе жизни и поведении. В то же время между племянником Рамо и неимущим философом есть и значительное различие: «В его рассуждениях – ни следа сатирических намерений: этот философ смеется над абсурдностью человеческого удела, над проступками самолюбия и прежде всего – над самим собой» [10, р. 18]. Нарративная позиция неимущего философа – провокативна иначе, нежели позиция оппонента Ф. в диалоге «Племянник Рамо»: его цель – не опровержение прекраснодушных просветительских идей. И даже тогда, когда он поднимает по видимости важные и для просветителей вопросы, он говорит о них по-своему, с присущей рококо амбигивностью: «Забавна наша нация, ее тщеславие устроено иначе, чем у других народов: те тщеславны естественно, не ища в этом никакой утонченности, они уважают все, что сделано у них, в сто раз больше, чем то, что сделано у других...и считают, что они пра-

вы; а если вдруг иногда неправы, они не осмелятся в этом признаться, ибо как же честь Родины? [...] Но мы, французы, другие, нам нужно до всего коснуться и все изменить...уважать то, что сделано у нас? ...Нет, не стоит давать преимущество тем, с кем мы живем рядом...Будем хвалить иноземцев...уважать-то их за это мы больше не станем...» и т.п. [15, р. 120–121].

Внешне подчеркивая несерьезность высказываемых мыслей, по видимости лишь забавляясь, Мариво не только «отстаивает свое право “говорить ни о чем”» [4, р. 33], но и создает особую тональность своего рода «порхающей» рефлексии о нравах общества, одновременно излагая новую и самостоятельную эстетическую программу¹. Автор эссе не претендует на создание философского текста (и не пишет, подобно просветителям, философских повестей и романов), он, как полагает А. Денне-Тюнне, даже непрямо выражает пренебрежение к официальному языку философов [8, р. 214]. Но это не означает, что писатель абсолютно чужд философской мысли: ведь «человек, который много думает, углубляет предметы, о которых он размышляет: он проникает в них, делает весьма тонкие наблюдения» [15, р. 229].

Еще в VI Листке «Зрителя» Мариво опровергал идею, что важность написанного определяется его объемом, предпочитая рокайльную миниатюрность и эскизность². Кроме того, беспорядочность, незавершенность, свободная хаотичность важны в рококо как признаки «естественного стиля», о котором пекутся писатели этого направления. Не случайно П.К. Мариво писал в «Зрителе»: «...Я совсем не умею создавать (сréer), я умею только схватывать в себе мысли, возникающие случайным образом» [14, р. 54], а «думать естественно означает сохранять особенности своего ума...» [14, р. 106]. Ключевым словом здесь кажется «свой»: будучи, как и другие «новые», сторонником «малых жанров», не боясь оказаться среди второстепенных сочинителей [4, р. 64–65], Мариво явно предпочитает индивидуализировать свою манеру

¹ Подробно об эстетических размышлениях Мариво в его периодике см.: [2].

² Излишне было бы приводить список работ, которые говорят о процессе миниатюризации в рокайльной культуре. Общим местом суждений о рококо называет это современный ученый [3, р. 141].

письма. Знаток творчества Мариво А. Леврье полагает даже, что писатель создал в своих эссе «чересчур особенную модель, чтобы ее до конца поняли и могли ей следовать» [11, р. 42]. Стиль писателя, вызывавший при жизни критические отзывы и пародии (например, в повести Кребийона-сына «Ганзай и Неадарне»), названный даже «новой прециозностью», оказался в итоге «антипрециозным» [1, р. 88] и на самом деле – весьма перспективным для литературы последующих веков. Как верно замечает К. Гладю, «рокайльность Мариво проявляется в особой манере рассказывания, в отказе от фиксированной позиции, в разнообразии частей, образующих в конце концов совокупность фрагментов» [6, р. 109]. Однако проявления рококо в эссе Мариво не ограничиваются только нарративным стилем: свободные размышления, нарочито лишенные глубокомыслия, двойственные, игровые, наполнены в его эссе тонким, изящным остроумием и в то же время – пониманием и приятием естественно-скандальной, несовершенной человеческой натуры.

Список литературы

1. Безансон М. Пестрота в «Неимущем философе» и «Кабинете философа» Мариво : от естественного письма к антипрециозности. Besançon M. La bigarrure dans *L'Indigent Philosophe* et le *Cabinet du Philosophe* de Marivaux : de l'écriture naturelle à l'anti-préciosité // *Littérature*. – 2012. – P. 18–119.
2. Вагнер Ж.-А. Теория письма и критика культуры в журналах Мариво, (1721–1734). Wagner J.-H. Théorie de l'écriture et critique de la culture dans les journaux de Marivaux, (1721–1734) // *El texto como encrucijada : estudios franceses y francófonos*. – 2004. – N 1. – P. 277–296.
3. Вайсгербер Ж. Хрупкие маски : эстетика и формы литературы рококо. Weisgeber J. Les masques fragiles : esthétique et forme de la littérature rococo. – Lausanne : L'Age d'Homme, 1991. – 268 p.
4. Второстепенное письмо в XVIII веке. *Ecrire en mineur au XVIIIe siècle / sous la dir. de Chr. Bahier-Porte et R. Jomand-Baudry*. – Paris : Desjonquères, 2009. – 472 p.
5. Галлуэ К. Мариво. Журналистика и художественные сочинения. Gallouët C. Marivaux, journaux et fictions. – Orléan : Paradigme, 2001. – 167 p.
6. Гладю К. Величие малых жанров : галантная и рокайльная эстетика в начале XVIII века.

- Gladu K. La grandeur des petits genres : esthétique galante et rococo dans le premier XVIII siècle. Thèse. – Québec : Univ. de Québec à Trois-Rivières, 2014. – 467 p.
7. Гросперрен Ж.-Ф. «Круг» движений в журналах Мариво.
Grosperren J.-Ph. Le «tour» des mouvements dans les Journaux de Marivaux // Littératures. – 2001. – N 45. – P. 105–131.
 8. Денне-Тюнне А. Мариво и мысль об удовольствии.
Denney-Tunney A. Marivaux et la pensée du plaisir // Dix-huitième siècle. – 2003. – N 35. – P. 211–229.
 9. Жило М. Журналы Мариво, моральная направленность и эстетическое осуществление.
Gilot M. Les Journaux de Marivaux, itinéraire moral et accomplissement esthétique. Thèse. – Lille : Univ. de Lille III, 1974. – Т. 1. – 489 p.
 10. Леборнь Э., Абрамовиси Ж.-Кр., Эскола М. Введение. (Мариво. Журналы 2).
Leborgne E., Abramovici J.-Chr., Escola M. Présentation // Marivaux. Journaux 2. – Paris : Garnier-Flammarion, 2010. – 426 p.
 11. Леврье А. «Летающие листки», «летучие листки». Журналы Мариво в истории «Зрителей», (1711–1734).
Lévrier A. «Feuilles volantes», «feuilles volatiles». Les journaux de Marivaux dans l'histoire des «Spectateurs», (1711–1734) // Les Belles lettres. – 2006. – Vol. 58, N 4. – P. 39–42.
 12. Леврье А. От Аддисона к Мариво : модель «Зрителя» перед лицом французских ограничений.
Lévrier A. D'Addison à Marivaux : le modèle du *Spectateur* à l'épreuve des contraintes françaises // Etudes épistémè. – 2014. – N 26. – URL: <http://episteme.revues.org/306>
 13. Леврье А. Романы в периодике и журналистские сочинения : Мариво на границе жанров.
Lévrier A. Romans périodiques et ouvrages journalistiques : Marivaux aux frontières des genres // MaLiCE. – 2015. – N 5 : Marivaux entre les genres : le corps, la parole, l'intrigue. – URL: <http://cielam.univ-amu.fr/node/1416>
 14. Мариво. Журналы 1.
Marivaux. Journaux 1. – Paris : Garnier-Flammarion, 2010. – 424 p.
 15. Мариво. Журналы 2.
Marivaux. Journaux 2. – Paris : Garnier-Flammarion, 2010. – 426 p.
 16. Монтье Ж.-П. Мариво-журналист : точка зрения и общее мнение.
Montier J.-P. Marivaux journaliste : point de vue et opinion publique // Studi francesi. – 2008. – N 154. – P. 19–40.
 17. Сермен Ж.-П., Вьоке Ш. Журналы Мариво.
Sermain J.-P., Wioquet Ch. Journaux de Marivaux. – [S.l.] : Atlande, 2001. – 224 p.
 18. Стар Ж. Три «философа» 1734 года : Мариво, Прево и Вольтер.
Sgard J. Trois «philosophes» de 1734 : Marivaux, Prévost et Voltaire // Etudes littéraires. – 1991. – Vol. 24, N 1. – P. 31–38.
 19. Фабр Ж. Мариво.

- Fabre J. Marivaux // Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIII siècle. – Paris : Fayard, 1995. – P. 842.
20. Франц П. Рапсодии.
Frantz P. Rhapsodies // Orage. – 2006. – N 5. –P. 11–22.
21. Цурганова Е.А. Преодоление жанровых границ в литературе раннего английского Просвещения (журналы Дж. Аддисона и Р. Стила «Болтун», «Зритель», «Опекун») // Литературоведческий журнал. – 2008. – № 23. –С. 170–195.
22. Шин Лю. Что такое философ? Попытки поиска употребления слова в век Просвещения.
Jin Lu. Qu'est-ce que 'un philosophe? Éléments d'une enquête sur l'usage d'un mot au siècle des Lumières. – [S.l.] : Presses univ. de Laval, 2005. – 246 p.
23. Эскола М., Леборнь Э., Абрамовиси Ж.-Кр. Введение (Мариво. Журналы 1).
Escola M., Leborgne E., Abramovici J.-Chr. Présentation // Marivaux. Journaux 1. – Paris : Garnier-Flammarion, 2010. – P. 7–49.
24. Эрманн Ж. Мариво-журналист, модель для романиста. О сюжете «Кабинета философа».
Hermann J. Marivaux journaliste, un modèle pour le romancier. Au sujet du Cabinet du philosophe // Revue italienne d'études françaises. – 2018. – N 8. – URL: <http://journals.openedition.org/rief/2010>
25. Эскола М. «Странность ума и следовательно – стиля» : от Монтеня к Лабрюйеру и от Паскаля к Мариво.
Escola M. «Une singularité d'esprit et conséquemment de style» : de Montaigne à La Bruyère et de Pascal à Marivaux // Littérature. – 2005. – N 137. –P. 93–107.